

УДК 330.8

ББК 65.02

КОД ДЖОНА КЕЙНСА ИЛИ О ДОПУСТИМЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

С. Ю. СОЛОДОВНИКОВ

solodovnicov_s@tut.by

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена проблемам кодификации экономических текстов. В этом контексте раскрываются гносеологические трудности научной интерпретации этих текстов. Раскрывается тройной код Дж. Кейнса.

CODE OF J. KEYNES OR ABOUT VALID INTERPRETATIONS
OF ECONOMIC TEXTS

S.Yu. SOLODOVNIKOV

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department «Economics and Law»
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to issues of codification economic textes. There are revealed the gnoseological difficulties of scientific interpretation of these texts in this context. J. Keynes's triple code is revealed.

ВВЕДЕНИЕ

Когда мне пришлось в первый раз принимать участие в телевизионном ток-шоу по экономической тематике, то сразу бросилась в глаза поразительная категоричность и безапелляционность суждений одного из участников. Все его умозаключения были голословными, основанными на бессистемном использовании вырванных из контекста или второстепенных экономических событиях. Это не показалось мне удивительным, ведь человек их высказывающий, не обладал должными экономическими компетенциями и никак не мог быть отнесен к людям, получившим фундаментальное экономическое образование (отметим, что у него вообще не было экономического образования), а также был мало начитан. Удивительно было то, что этому Хлестакову от экономики всерьез внимала немалая часть присутствующих.

Вернувшись домой, я попытался отыскать подсказку для раскрытия ораторского успеха нашего Хлестакова в своей библиотеке, но наткнулся на книгу Дж. Перкинса «Исповедь экономического убийцы» [1]. Стал эту книгу перечитывать. Да так увлекся, что оставил в стороне загадку феномена успеха бойких экономических демагогов и написал статью про экономических убийц в нашей стране [2]. Желаящие могут ее прочесть.

Шли годы и практически на всех телевизионных ток-шоу, где мне приходилось присутствовать, наблюдались Хлестаковы в экономике. Иногда их было больше. Иногда меньше. Но они были всегда! К примеру, один из них, чья безапелляционность могла соперничать только с его же невежеством, договорился до того, что Дж. Кейнс

(впервые теоретически и практически доказавший необходимость активного государственного вмешательства в рыночную экономику) у него стал либеральным экономистом, противником государственного вмешательства в экономику!

Я привык к этому и стал воспринимать данное явление как неизбежное зло. Ну, например, как пустые пивные бутылки и окурки на детских игровых площадках. Раздражает, но справиться с этим одному все равно не получится.

Но совсем недавно совершенно случайно мне попала книга Ум. Эко «Откровения молодого романиста», которая увлекла меня и подвигла к тому, чтобы сквозь призму философии текста этого гения раскрыть загадку внутреннего кодирования экономических текстов, а заодно и феноменологическую *сущность* Хлестаковых от экономики. Слово *сущность* выделено мною не случайно, ибо как верно заметил вышеназванный автор: «В действительности мы редко даем определение сущности; гораздо чаще мы определяем вещи по их свойствам» [3].

Так родилась идея этой статьи. Начнем по порядку.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

«Текст – это ленивый механизм, - отмечает Умберто Эко, - который требует, чтобы читатель выполнил часть работы за него. Иными словами, текст есть приспособление, созданное, чтобы спровоцировать как можно большее количество толкований» [2, с. 51]. Восприятие, а соответственно и интерпретация любого текста напрямую зависят от характеристик самого текста и от подготовленности (компетенции) читателя. Это свойство распространяется на любые тексты. Если же речь идет о тексте экономическом – научном, публицистическом или аналитическом, то в нем обязательно будет несколько уровней кодирования. В этом плане текст, который читает в данный момент заинтересованный читатель, не является исключением. Казалось бы, это достаточно очевидно: если интеллектуальный и культурный уровень читателя значительно ниже, чем уровень текста, то он его поймет по-своему. Тут можно было бы еще поучительно добавить, что поэтому и надо учиться добросовестно и непрерывно (а то так и останешься неучем) и на этом остановиться, разумеется, украсив все это для того, чтобы показать начитанность автора цитатой из Ум. Эко, подходящей к этому случаю. Цитату я приведу: «двойное кодирование – не аристократическая придурь, а способ проявить движение к доброй воле и умственным способностям читателя» [3, с.57], но этим не ограничусь. Почему? Прежде всего потому, что в отличие от большинства других (в том числе и научных) текстов в научных и научно-популярных экономических текстах достаточно часто присутствует тройное кодирование. Последнее обстоятельство многократно усложняет определение границ допустимых интерпретаций этих текстов. Остановлюсь на этом подробнее.

Двойное кодирование присутствует в любом хорошем тексте, в том числе и в художественной литературе. Например, в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» есть две системы кодов. Поверхностный (событийный), описывающий последовательность тех или иных действий литературных персонажей, а также те события, при которых они присутствуют. Читая этот роман в школе, я, как и подавляющее большинство моих одноклассников, обращал внимание только на эти события, причем не на все. Несмотря на все старания моих учителей по русской литературе, безусловно, людей творческих, очень эрудированных и оказавших на мою дальнейшую судьбу большое влияние, я по своему тогдашнему уровню в принципе не мог (да и не хотел) понять второй уровень кодирования этого романа - философию жизни Л. Н. Толстого. Мне, юноше, не доставало не только энциклопедических исторических знаний (эпоха конца XVIII -

начала XIX века казалась мне очень простой и однозначной), но прежде всего жизненного опыта, опыта борьбы и горьких, невозполнимых потерь.

В качестве примера двойного кодирования можно также рассмотреть механику Исаака Ньютона, которая на первом уровне кодирования, раскрывая известные нам всем со школы законы физики, значительно облегчили создание многих машин, механизмов и зданий. На втором уровне кодирования просматривается лапласовский детерминизм, уподобляющий социальные процессы процессам механическим и тем самым упрощая до невероятия, выхолащивая сущность общественных отношений.

Тройное кодирование экономических текстов возникает по множеству причин, перечислять которые в рамках моего текста я не считаю нужным. Отмечу только, что в качестве примера одной такой причины можно привести существование большого количества частных экономических наук, которые отличаются абстрагированием от огромного количества факторов, что является результатом чрезмерного увлечения экономико-математическими моделями. Для того, чтобы переложить живой хозяйственный процесс на язык математики, приходится игнорировать неполную рациональность экономического поведения индивидов, неравномерное распределение информации между участниками рынка, изменчивость их субъективных оценок, что серьезно влияет на неустойчивость рыночных цен. П. Б. Струве писал по этому поводу: «Поскольку математическое направление политической экономии ударило в математическую обработку психологических основ экономических явлений, оно применило к многообразному и разнородному миру душевных переживаний совершенно противоречащий его природе прием обезличения» [4, с 45].

Выделение частных экономических наук теоретически и практически оправдано, поскольку этот процесс отражает усиление разделения и кооперации научного труда в экономической науке. Но это разделение остается правомерным и приносит очевидную выгоду лишь до тех пор, пока выводы частных экономических не пытаются расширить за пределы их предмета и объекта. Вопрос заключается не в том, являются ли эти выводы логически возможными, а в том, до какой степени они соответствуют сущности экономических явлений.

После некоторых колебаний я решил рассмотреть тройное кодирование экономических текстов на примере книги Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» и порожденной ею науки макроэкономика. Мои колебания были вызваны фантастическим обилием мифологизированных экономических явлений, каждое из которых заслуживает если не отдельной книги, то статьи уж точно. Например: рынок и демократия (наиболее близкое по смыслу сочетание – слон и трепетная лань), международный трансферт новейших технологий (ну а это сродни веры в деда мороза) и т. д. Список этих экономических мифов невозможно закончить, т.к. в современной эпохе, эпохе «вселенского обмана» (Ж. Бодрийяр [5] и Ч. С. Кирвель [7]), эти мифы будут плодиться до бесконечности. Итак, мифологизированных экономических явлений и текстов множество. Но я остановился на работе Дж. Кейнса. Почему? Да потому, что, во-первых, эта книга являет собой начало нового периода в экономической науке, во-вторых, практически любой экономист о ней слышал, в-третьих, на Дж. Кейнса часто ссылаются для подтверждения своих умозаключений и, в-четвертых, очень немногие читали книгу целиком и еще меньшее количество ее прочитавших соотносили ее с историческим контекстом, ей предшествующим, и идеологией ее автора. А последнее архиважно для ее понимания.

Поэтому я остановился на работе Дж. Кейнса. Итак, закончу прелюдию и перейду к сути.

Сегодня любой студент независимо от того какую специальность он получает, сталкивается в процессе обучения с макроэкономикой. Если у него экономическая специальность, то минимум дважды – сначала при изучении экономической теории, а затем осваивая собственно курс макроэкономики. Студенты неэкономических специальностей изучают основы макроэкономики в рамках курса экономической теории. Существующая сегодня система получения высшего образования порождает дидактическую необходимость упрощения макроэкономики в вузе. В результате чтение такого упрощенного курса, особенно если читающий его преподаватель является жрецом «культы саморегулирующегося рынка», где государство являет себя в облике «ночного сторожа», приводит к фактическому противоречию тех представлений, которые получает студент о макроэкономике и экономической позиции самого Дж. Кейнса. Прежде чем развивать свою мысль дальше приведу слова Ум. Эко полностью соответствующие этому случаю: «Блаженный Августин в труде *De Doctrina Cristiana* («О христианской доктрине») пишет: любое толкование части текста является верным, если подтверждается остальной частью того же текста и ложным, если вступает с нею в противоречие. В этом смысле внутренняя согласованность текста самостоятельно контролирует без того неуправляемую интерпретационную энергию читателя» [3, с.62-63]. А значит правильность или ложность любой трактовки взглядов Дж. Кейнса надо проверять на соответствие всему его вышеназванному тексту.

В уже упомянутой выше работе Дж. Кейнс пишет: «Рикардо (*теория саморегулирующейся рыночной экономики – С.С.*) покорила Англию столь же полно, как святая инквизиция покорила Испанию. Не только его теория была принята Сити, государственными деятелями и Академическим миром, но даже самый спор прекратился. Альтернативная точка зрения совершенно исчезла, и ее просто перестали обсуждать» [7]. Итак, альтернативные саморегулирующемуся рынку точки зрения вообще не рассматривались. Уже интересно. А как же свобода мысли, свобода слова в Великобритании первой трети XX века? Да никак. Кого из сильных мира сего Туманного Альбиона это может волновать, когда речь идет об их экономических интересах? Наблюдательный читатель по-видимому уже и сам догадался, каков будет ответ... Никого! Или почти никого!

Последуем дальше за Дж. Кейнсом, который пишет: «Полнота победы рикарданской теории – явление весьма любопытное и даже загадочное. Связано это с тем, что теория Рикардо во многих отношениях весьма подошла той среде, к которой она была обращена» [7]. От себя добавлю, что, действительно, концепция саморегулирующегося рынка очень близка к обычаям и традициям древних фризов, англов и саксов. Именно потомки этих племен, проживающие на территории Голландии и Англии, первыми создали рыночную экономику, идеальным воплощением которой и стала модель саморегулирующегося рынка. Это не я первым заметил. И не я об этом первым написал. Да и не важно, кто первый. Важно, что каким-то непостижимым образом идеология нескольких народов, модель хозяйствования, основанная на их национальных особенностях, стала навязываться всему человечеству как единственно верная. Представляю, как бы удивились сами фризы (пираты, работоторговцы и земледельцы в одном лице), если бы узнали, что они породили «общечеловеческую ценность» в виде рынка, где все подчинено росту прибыли...

Далее Дж. Кейнс едко замечает: «Она (*теория саморегулирующегося рынка – С.С.*) приводила к заключениям, совершенно неожиданным для неподготовленного человека, что, как я полагаю, только увеличивало ее интеллектуальный престиж.» [7] Дж. Кейнс тут абсолютно прав – ничто там не привлекает людей невежественных и недостаточно образованных, но которые при этом хотят казаться интеллектуально развитыми и сведущими как очень простые и даже примитивные ответы на очень сложные во-

просы. Я уже писал про это в статье «Культ карго, или Новый объект экономической науки» [8]. При желании ее можно прочесть.

«Рикардианское учение, переложенное на язык практики, – пишет Дж. Кейнс, – вело к суровым и часто неприятным выводам, что придавало ему оттенок добродетели. Способность служить фундаментом для обширной и логически последовательной надстройки придавала ему красоту. Властям импонировало, что это учение объясняло многие проявления социальной несправедливости и очевидной жестокости как неизбежные издержки прогресса, а попытки изменить такое положение выставляло как действия, которые могут в целом принести больше зла, чем пользы. То, что оно оправдывало в определенной мере свободную деятельность индивидуальных капиталистов, обеспечивало ему поддержку господствующей социальной силы, стоящей за власть предержащими» [7]. Хочу подчеркнуть, что проявления социальной несправедливости и очевидной жестокости в процессе становления рыночных отношений (первоначального накопления капитала) в Объединенном королевстве наблюдались за несколько столетий до рождения Д. Рикардо и его учение лишь легализовало «прогрессивность» этого.

Полагаю, что большинство читателей не представляют себе, о чем идет речь, когда говорится о жестокости того периода – издержки сегодняшнего преподавания европейской истории в школе. Поясню это. Голландия была первой в мире, где почти пять веков назад началась промышленная революция. Быстрому росту производства способствовали новые уникальные технологии и практически безграничные рынки сбыта. Нидерланды тогда находились во владении Габсбургов, которые, оставаясь Испанскими королями, были Императорами Священной Римской империи, а также владели другими очень большими территориями в Европе и Америке. В последней Испания награбила столько золота, что в течение XVI века количество этого металла в Европе удвоилась. Итак, есть платежеспособный спрос и есть производственные мощности. Не хватает только сырья для текстильной промышленности – шерсти. Где ее взять? Ответ нашелся быстро – в Англии. Но для этого необходимо было провести огораживание, т.е. согнать фермеров-арендаторов, превратив их поля в пастбища для овец. В результате, как писали в то время английские газеты – «овцы съели людей». Иначе говоря, бывшие фермеры и их семьи превратились в бродяг, поскольку их рабочие руки никому не были нужны. Но если люди не могут работать, но хотят есть (т.е. почему-то не хотят законно-послушно умереть от голода), то они воруют. А как же «священное право частной собственности»? И власть имущие находят юридическое решение этой проблемы – за любую кражу вешать. И вешали, да еще как вешали. И за украденную буханку хлеба тоже вешали. Не взирая на возраст. Тут, правда, возникла техническая проблема – под тяжестью маленьких детей петли не хотели затягиваться. Но английская юридическая машина нашла решение этой проблемы. Был оговорен груз, который привязывался к ногам маленьких англичан, чтобы они могли быть повешенными. Повешенных было много, очень много. Так, по приговорам суда при Елизавете Английской, это при ней адмирал Дрейк разбил Великую Армаду, в Англии были повешены десятки тысяч людей.

В это же время, моряков адмирала Дрейка, спасших Англию от вторжения огромной испанской армии, после победы над Великой Армадой несколько месяцев не отпускали с кораблей на берег. Плохо знающий английскую историю читатель спросит: зачем? Да для того, чтобы половина из них умерли от болезней, порожденных антисанитарией, плохой водой и пищей. Ведь умершим не надо платить жалованье, а значит это позволило значительно сэкономить государственный бюджет. Вот еще один пример рыночной целесообразности и английской рачительности того времени.

Следует отметить, что во имя прибыли имущие классы Великобритании делали вещи и пострашнее, и покровавее. Я пожалею читателей, обладающих слишком хорошим воображением, и не буду здесь приводить эти действительно жуткие примеры.

Но хватит об этом, поскольку тема моей статьи несколько иная.

Дж. Кейнс прямо указывает, что «однако, хотя сама доктрина (*теория саморегулирующегося рынка – С.С.*) в глазах ортодоксальных экономистов не подвергалась до последнего времени (*до 30-х гг XX века – С.С.*) ни малейшему сомнению, ее явная непригодность для целей научных прогнозов значительно подорвала с течением времени престиж ее адептов. Профессиональные экономисты после Мальтуса оставались явно равнодушными к несоответствию между их теоретическими выводами и наблюдаемыми фактами. Это противоречие не могло ускользнуть от рядового человека; не случайно он стал относиться к экономистам с меньшим уважением, чем к представителям тех научных дисциплин, у которых теоретические выводы согласуются с данными опыта» [7]. Не правда ли, написано в первой половине XX века, а читается как будто сказано вчера о наших доморощенных «независимых» экономических экспертах – Хлестаковых от экономики.

Итак, как я уже отметил, первый уровень кодирования учения Дж. Кейнса – это уровень ученического, дидактически упрощенного и поэтому поверхностного понимания принципов взаимодействия экономических агентов в национальной экономической системе (на макроуровне). Добросовестный студент вынесет из курса макроэкономики, что существует ряд экономических проблем, решение которых возможно только на уровне всей страны, общества в целом. При этом в качестве основных макроэкономических проблем выступают проблемы экономического роста, полной занятости, экономической эффективности, стабильности цен, экономической свободы, справедливости распределения доходов, торгового баланса, охраны окружающей среды и т.д. При этом ученический уровень дает навыки оперирования базовыми макроэкономическими моделями, без понимания их абстрактного характера. Поясню это на примере. В кейнсианской макроэкономической модели предполагается, что все субъекты располагают одинаковой информацией, отсутствуют транспортные издержки (все продавцы и покупатели «сидят в одной комнате»), все макроэкономические субъекты (домашние хозяйства, предприятия, государства и заграница¹) поступают только экономически рационально, отсутствует реклама, нет ограничений и препятствий в доступе на рынки и т.д. и т.п. Очевидно, что такие ограничения соответствуют реальной хозяйственной жизни в любой стране мира. Если это именно так, а это так, то возникает вопрос: для чего тогда вообще нужна макроэкономика?

Когда я читаю студентам курс макроэкономики, то обязательно подчеркиваю, что не так уж сложно объяснить, почему сегодня теория Дж. Кейнса не работает, но необходимо понять, для чего ее надо учить и что из этой теории может пригодиться в практической работе экономиста. На этот вопрос я отвечаю так: макроэкономическая теория дает представления об определенных зависимостях между различными макроэкономическими показателями, что облегчает принятие тех или иных решений, поскольку делает возможным сразу же отбросить очевидно неправильные.

Это то же, что хождения девушки на свидания с юношей, который, по ее мнению, мог бы для нее стать хорошим мужем и отцом ее будущих детей. Можно,

¹ Такой макроэкономический субъект как «заграница» лично у меня при первом знакомстве вызвал очень сильное недоумение. Потом недоумение прошло, но поскольку я долго учил философию, то подсознательное восприятие субъекта «заграница» как ежика изо дня в день идущего среди отары овец на пастбище, чтоб вместе пощипать травки, так и осталось. Казалось бы нелепица, но факт. Это я про ежика. Ну а заграница, как экономический субъект, хотя противоречит моим представлениям как политэконома об экономическом субъекте, но очень логично вписывается в теорию Дж. Кейнса.

как многие и делают, не обращать внимание на его «маленькие» слабости: то, что он пьет пиво не реже 2-3 раза в неделю (по медицинским показаниям – это возможно ранняя импотенция), то, что курит, то, что регулярно напивается с «друзьями» до поросычьего визга (верная примета будущего алкоголика), то, что не дарит ей цветы, не открывает перед ней дверь, садится в кафе раньше нее (верная примета сегодняшнего хама), старается поменьше работать и не хочет учиться (лучше поиграть на компьютере) и т.д. Можно не обращать, но если эта девушка по итогу их свиданий не станет очередной «победой» этого юноши на сексуальном фронте и они поженятся, то вправе ли она будет удивляться через 10 лет, почему у нее муж алкоголик, лодырь и хам? На мой взгляд, нет. Хотя у девушек в нежном возрасте, т.е. до 30-35 лет, могут быть свои ответы на этот вопрос. Но есть другой вариант поведения нашей девушки – увидела что-то из проявлений неуважения к ней, лени, деривативного поведения, отсутствия любви с его стороны и перестала с ним встречаться. Второй вариант поведения логичнее и может значительно поспособствовать счастью в личной жизни. Ну а то, что сэкономит ей время и нервы – это уж точно. Вот также и макроэкономические модели – они позволяют отбросить заведомо невозможные варианты. А вот для выбора оптимального варианта этого уже недостаточно.

Отличительной особенностью наших Хлестаковых от экономик то, что они не понимают границ применения макроэкономических моделей. Впрочем, некоторые из них могут и не знать про эти модели.

Второй уровень кодирования учения Дж. Кейнса проистекает из определения макроэкономики как науки, изучающей совместную, взаимозависимую и взаимосвязанную деятельность всех хозяйственных субъектов в рамках целостного экономического организма – национальной экономики. Иначе он сам, с прозорливостью гения, признавал ограниченность применения его теоретических взглядов на практике. Это уже совсем другой подход, второй уровень кодирования текста. Почему? Да потому что Дж. Кейнс не остановившись на замене социальной парадигмы саморегулирующегося рынка теорией активного государственного регулирования экономики через формирование платежеспособного спроса, попытался пойти дальше – показать, насколько тесно в экономике все связано и взаимообусловлено. В пользу такого прочтения Дж. Кейнса говорят приведенные выше цитаты из его книги. И не только цитаты. И главным образом не цитаты, а теоретически обоснованные им и реализованные на практике президентом Рузвельтом меры для выхода США из кризиса 1929-33 годов.

Этот экономический кризис был самым страшным в истории США. Огромное количество людей потеряли работу. Вчерашние представители средних классов оказались на грани голодной смерти. Многие умерли от голода. Через какое-то время с трудом удалось в крупных городах организовать для голодающих бесплатную похлебку один раз в день. В огромных количествах за ненадобностью уничтожалось зерно и мясо. Вам показалось, что в моем перечислении нарушена логика? Это потому, что вы не знаете законы рыночной экономики и не знакомы с теоретическими постулатами макроэкономики. В макроэкономике потребности количественно совпадают с совокупным спросом. Совокупный спрос – это то количество товаров, которое население в данный момент хочет и может купить. Соответственно, если кто-то не может купить себе еду – значит и спроса (потребности) на еду нет.

Но вернусь к кризису 1929-33 годов. К 1932 году в США 12,5 миллионов полностью безработных (население этой страны тогда составляло 125 миллионов человек). В начале 1933 года число безработных выросло до 17 миллионов человек [9]. «В период наибольшего обострения экономического кризиса, – отмечает Б. Борисов, – каждый третий работающий был лишен занятости. Настоящим бедствием стала частичная без-

работица. По данным АФТ (Американская Федерация Труда, American Federation of Labor), в 1932 г. полностью занятыми остались всего 10% рабочих» [9]. Это притом, что страхования по старости и безработице в США в то время не было! В США начинается голод, унесший по разным оценкам около 5 миллионов человеческих жизней [9]. В это время, на фоне гибели экономически «излишнего» населения продолжается государственная политика по уничтожению запасов продовольствия: «зерно и просто сжигали, и топили в океане. Так, например, было уничтожено 6,5 млн. голов свиней и запахано 10 млн. га земель с урожаем» [9]. Это позволило увеличить в США цены на продовольствие более чем в два раза.

По времени это совпадает со сгоном с земли за долги банками 5 миллионов американских фермеров. При этом фермеры не были обеспечены ни работой, ни социальной помощью, ни пенсиями. Примерно каждый шестой из них умер от голода [9].

Да. Вот она историческая иллюстрация действия «невидимой руки рынка».

Итак, при полном развале народного хозяйства США президент Рузвельт рассчитывает получить от экономической науки практические рекомендации по выходу из кризиса. И он их получает от Дж. Кейнса, но использовать их все на практике даже при всем желании невозможно. Очевидно, что никакие снижения ставок по процентам или налоговые льготы не помогут. Почти никто не работает, платежеспособной спрос населения катастрофически низок и некому покупать товары, а значит и нет смысла инвестировать в экономику. А если некуда инвестировать, то какая разница сколько стоит не нужный кредит. А нет инвестиций – нет и роста занятости. А без занятости нет роста доходов населения. Получается заколдованный круг, но гений Дж. Кейнса и решительность Рузвельта его разрывают. Дж. Кейнс предлагает производить за счет государства то, что не надо продавать, например, оружие. И его начинают производить и в огромных количествах. Производство оружия требует все новые и новые рабочие руки, оборудование и сырье. Для изготовления станков нужны заводы. Для добычи сырья необходимо еще оборудование. И все это требует новые и новые рабочие руки. Растет занятость. Люди начинают работать, получать зарплату, на которую покупают одежду и еду для себя и членов своей семьи. Экономика начинает работать! Почти по теории Дж. Кейнса.

Почему почти?

Да потому что в стране по-прежнему миллионы безработных, бродяг и бандитов. С ними надо что-то делать. И решение находится – «общественные работы» Рузвельта. Всего на «общественных работах под эгидой Администрации общественных работ (PWA) и администрация гражданских работ Civil Works Administration – CWA (это строительство каналов, дорог, мостов зачастую в необжитых и болотистых малярийных районах), с единовременным числом занятых до 3,3 миллиона» [9], а всего через них прошло 8,5 млн. человек, не считая заключенных [9] – это не считая собственно заключенных. Ряд исследователей с высокой степенью достоверности отмечают схожесть режима на этих работах с режимом ГУЛАГА. Проверить это сегодня нельзя, так данные об этом до сих пор относятся к государственной тайне США. Но то, что утекает в открытый доступ способно вызвать ужас. Так, например, возглавляющий Администрацию общественных работ, министр внутренних дел Г. Икес, «с 1932 года заключил в лагерь для безработной молодежи около двух миллионов человек (!), причем из 30\$ номинальной заработной платы обязательные вычеты составляли 25\$. Пять долларов за месяц каторжного труда в малярийном болоте. Достойная плата свободным гражданам свободной страны.» [9].

Выход из кризиса был найден, но найден не в рамках методологии книги «Общая теория занятости, процента и денег» [9], а на основе некоторых ее идей и моделей,

но исходя из жизни, исходя из взглядов Дж. Кейнса на национальную экономику – как на живой организм.

Я бы не хотел, чтобы читатель не очень хорошо знающий историю США сделал вывод, что после всех этих усилий американская экономика стала быстро развиваться. Это не так. Экономика США находилась в застое до начала Второй мировой войны. И только после ее начала американский военно-промышленный комплекс дал толчок бурному росту экономики страны.

Прежде чем перейти к третьему уровню кодирования учения Дж. Кейнса приведу соответствующую этому случаю цитату Ум. Эко: «когда текст создается не для одного конкретного адресата, а обращен к сообществу читателей, автор наперед знает, что его слова будут истолкованы не согласно его замыслу, но в соответствии со сложной стратегией взаимоотношений в которую вовлечены эти самые читатели, обладающие социальным достоянием в виде языковой компетенции, т.е. знания родного языка. Под “социальным достоянием“ я (Ум. Эко – С.С.) подразумеваю не только некий состоящий из набора грамматических правил язык, но всю энциклопедию, то есть сумму тех знаний, что накоплены в процессе использования этого языка: порожденные им культурные традиции и набор всех существующих и существовавших ранее интерпретаций множества написанных на этом языке текстов, включая текст, читаемый в данный момент» [3, с. 67-68]. Из этой цитаты, по моему мнению, следует неоднозначность, вариативность взаимоотношений внутри триады: автор – текст – читатель.

Я считаю, что в духе Ум. Эко можно рассматривать текст Дж. Кейнса не как застывший (мертвый) объекта, а как живое, постоянно трансформирующееся и до конца не познаваемое явление. Причем эта живость может порождаться и сохраняться только сегодняшним читателем, поскольку Дж. Кейнса уже давно нет, а без него его текст переписывать недопустимо. Приведу в подтверждение правильности моего умозаключения еще одно высказывание Ум. Эко: «Акт чтения обязан принимать во внимание все упомянутые элементы, пусть даже отдельный конкретный читатель вряд ли способен совместить их в себе. Таким образом, каждый акт чтения представляет собой сложную транзакцию между компетенцией читателя (читательским знанием о мире) и тем типом компетенции, которую данный текст постулирует, чтобы быть истолкованным самым “экономичным“ образом – так, чтобы интерпретация строилась на максимальном понимании написанного и поддерживалась контекстом» [3, с.68-69]. Итак, поскольку за примерно 70 лет после первого опубликования книги Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» мир радикально изменился, а соответственно мое (как читателя) знание о мире иное, то опираясь на контекст этой книги, я могу позволить себе ее постмодернистскую интерпретацию.

Поскольку я считаю, что достаточно пояснил методологию своих интерпретаций, перейду к изложению своего видения третьего уровня кодирования в тексте Дж. Кейнса.

Как я уже писал Дж. Кейнс прямо указывал на то, что рикардианская теория использовалась для оправдания имущими классами проявлений социальной несправедливости и очевидной жестокости сложившейся рыночной системы хозяйствования, т.е. социальная парадигма саморегулирующего рынка направлена на апологетику преимущественной реализации вполне конкретных классовых интересов. Он также рассматривал национальную экономику как живой организм. Казалось бы, надо сложить эти два тезисы и получится очевидный вывод, что роль государства в экономике не ограничивается макроэкономическими целями и задачами, но и направлена на реализацию интересов определенных классов и иных социальных групп.

Я не следую слепо за К. Марксом в его трактовке взаимоотношений классов как непрерывной классовой борьбы. История дает нам множество примеров классового сотрудничества и мира. Речь идет о другом. О том, что даже в социальном государстве существует необходимость перераспределения экономических благ от одних групп к другим, но это перераспределение направлено на усиление социальной справедливости и накопления социального капитала на уровне общества в целом и в отдельных локальных сообществах, а значит способствует усилению жизнеспособности общества в целом, а также увеличивает внутренний спрос за счет роста потребления домашних хозяйств.

Но вернусь к Дж. Кейнсу. С прозорливостью гения он подошел к этой проблеме, почти обозначил ее и даже дал часть инструментария для ее решения. Это и есть третий уровень кодирования текстов Дж. Кейнса. Но дальше он пойти не смог, не смог последовательно развить эту свою идею. Помешала та культурная среда, в которой он рос и жил, классовая принадлежность и возможно то, что в тот период на Западе нельзя было писать о классовой дифференциации общества и не быть при этом обвиненным в марксизме. А это обвинение еще длительное время до и после смерти Дж. Кейнса приводило к превращению в изгоя в западной академической и университетской среде.

Так, например, ведущий французский социолог П. Ансар в своей книге «Современная социология», так описывает взаимоотношения западной обществоведческой мысли и марксизма: «В целом с 1945 г. до 70-х г. во Франции, Италии, как и в ФРГ и США, многие исследователи в области общественных наук, не связывая себя догматически с отдельными деталями марксовских положений, извлекли из них самое существенное с намерением преодолеть границы узкого экономизма (Ж.-П. Сартр, 1960) либо в целях подорвать авторитет функционалистских консервативных моделей (Ч. Миллс, 1959; Ю. Хабермас, 1968)» [10]. Далее П. Ансар отмечает, что «1970 - 1980-е гг. отмечены отходом от этой содержательной стороны марксизма в общественных науках, что было связано с различными причинами, в которых исторические события сыграли не последнюю роль» [10].

Я считаю, что сегодня макроэкономика может рассматриваться как одно из теоретических оснований политэкономии.

Политическая экономия – это социальная наука, изучающая отношения между социальными субъектами, включенными в единый, относительно устойчивый, организационно оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни. Политэкономия исследует законы, управляющие развитием социально-экономических системы, а также рассматривает названные системы в различные исторические периоды и эпохи, через призму субъектных (межклассовых) отношений. Только на базе современной политической экономии можно преодолеть культивируемый сегодня частью научного сообщества и бизнеса «рыночный империализм». Под последним неоклассическая экономическая концепция подразумевает некую модель «идеального рынка», в которой обмен осуществляется автоматически, а социальные отношения выступают факторами, мешающими этому процессу. Причем правила этой абстрактной, т.е. выдуманной модели, по-прежнему пытаются распространить на все сферы человеческой жизни. В чьих интересах я уже показал выше.

Таков код Кейнса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Перкинс, Дж. Исповедь экономического убийцы. / Дж. Перкинс. – М.: Претекст, 2007.
2. Солодовников, С. Ю. Экономический романтизм, Или есть ли в Беларуси экономические убийцы// Беларуская думка. – 2012. – №9. – С. 52-63.
3. Эко Умберто. Откровения молодого романиста. – М.: АСТ; CORPUS. – 320 с.
4. Струве, П. Б. Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А. Д. Билимовичу // Экономический Вестник. 1924. Кн. 3(1) – С. 45.
5. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с.
6. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов: моногр. / Ч. С. Кирвель [и др.]; под науч. ред. Ч. С. Кирвеля. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно: ГрГУ, 2009.
7. Кейнс Джон. Общая теория занятости, процента и денег. Электронный ресурс. Электронный ресурс: premcapital. ru. Режим доступа 23.08.2016.
8. Солодовников, С. Ю. Культ карго, или Новый объект экономической науки// Белорусская думка. – 2016. – № 1. – С. 56 - 62.
9. Борисов, Б. Голодомор по-американски [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oko-planet.su/first/4702-boris-borisov-golodomor-po-amerikanski.html>. – Дата доступа: 14.09.2016.
10. Ансар, П. Современная социология // Социологические исследования. – 1996. – №1. – С. 136.

REFERENCES

1. Perkins, Dzh. Ispoved ekonomicheskogo ubiytsy. / Dzh. Perkins. – M.: Pre-tekst. 2007.
2. Solodovnikov, S. Yu. Ekonomicheskiy romantizm. Ili est li v Belarusi ekonomicheskiye ubiytsy// Belaruskaya dumka. – 2012. – №9. – S.52-63.
3. Eko Umberto. Otkroveniya molodogo romanista. – M.: AST; CORPUS. – 320 s..
4. Struve, P. B. Pervichnost i svoyeobraziye obmena i problema «ravnovesiya». Otvet A. D. Bilimovichu // Ekonomicheskiy Vestnik. 1924. Kn. 3(1) – S. 45.
5. Bodriyyar, Zh. Prozrachnost zla. – 5-e izd. – M.: «Dobrosvet». «Izdatelstvo ?KDU?»». 2014. – 260 s.
6. Sovremennyye globalnyye transformatsii i problema istoricheskogo samoopredeleniya vostochnoslavvanskikh narodov: monogr. / Ch. S. Kirvel [i dr.]; pod nauch. red. Ch. S. Kirvelya. – 2-e izd.. pererab. i dop. – Grodno: GrGU. 2009.
7. Keynes Dzhon. Obshchaya teoriya zanyatosti. protsenta i deneg. Elektronnyy resurs. Elektronnyy resurs: premcapital. ru. Rezhim dostupa 23.08.2016.
8. Solodovnikov, S.Yu. Kult kargo. ili Novyy obyekт ekonomicheskoy nauki// Belorusskaya dumka. – 2016. – № 1. – S. 56 – 62.
9. Borisov, B. Golodomor po-amerikanski [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://oko-planet.su/first/4702-boris-borisov-golodomor-po-amerikanski.html>. – Data dostupa: 14.09.2016.
10. Ansar, P. Sovremennaya sotsiologiya // Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 1996. – №1. – S. 136.

Статья поступила в редакцию 13 октября 2017 года.